

В. Н. Земцов

Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов

ПОБЕДИТЕЛЬ НАПОЛЕОНА. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ БИОГРАФИЕЙ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

Личность М. И. Голенищева-Кутузова, победителя Наполеона в 1812 г., на протяжении более 200 лет вызывала и вызывает острые дискуссии. Новая биография М. И. Кутузова, предложенная А. Г. Власенко и основанная на обширном комплексе документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, призвана подвести некоторые итоги этих споров. В центре внимания автора оказалась, прежде всего, история двух войн – 1805 г. и 1812 г., и личности двух полководцев – Кутузова и Наполеона. Последовательно раскрывая ход кампании 1805 г., А. Г. Власенко подверг сомнению ряд устоявшихся стереотипов о бое при Шенграбене, о позиции Александра I и позиции М. И. Кутузова в отношении перспективы генерального сражения при Аустерлице, о планировании Наполеоном своих действий в ходе этого сражения. В целом, события 1805 г. во многом определили то, как будут действовать Александр I и М. И. Кутузов в 1812 г. При этом события кампании 1812 г. также представлены автором монографии в дискуссионном ключе, что, в свою очередь, определяет спорность ряда утверждений автора – о причинах движения Наполеона к Смоленску по южному берегу Днепра, о целях возведения русскими Шевардинского редута, об оценках расположения русских войск при Бородино в целом, о действиях М. И. Кутузова в ходе его контактов с Ж. А. Б. Лористоном и, в особенности, при объяснении действий противников в сражении на Березине. Обращает на себя внимание изначально заданная автором идеализация личности и действий М. И. Кутузова, благодаря чему гений Наполеона уже по определению меркнет перед величием достоинств русского военачальника. В целом же, работа А. Г. Власенко вносит заметный вклад в осмысление ключевых событий эпохи Наполеоновских войн, роли России и, прежде всего, М. И. Кутузова в конечном исходе великого противостояния рубежа XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: М. И. Голенищев-Кутузов, Наполеон, кампания 1805 г., война 1812 г., А. Г. Власенко

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25–18–00510.

Цитирование: Земцов В. Н. Победитель Наполеона. Размышления над новой биографией М. И. Голенищева-Кутузова <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-432-445> // Французский ежегодник. 2025. Т. 58. С. 432–445.

Поступила в редакцию: 14.06.2025

Принята к печати: 17.06.2025

Vladimir N. Zemtsov
Saratov State University,
Saratov

THE CONQUEROR OF NAPOLEON. REFLECTIONS ON THE NEW BIOGRAPHY OF M. I. GOLENISHCHEV-KUTUZOV

The personality of M. I. Golenishchev-Kutuzov, the victor over Napoleon in 1812, has caused and continues to cause heated debate for over 200 years. The new biography of M. I. Kutuzov, proposed by A. G. Vlasenko and based on an extensive set of documents, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, is intended to sum up some of these debates. The author's focus was primarily on the history of two wars - 1805 and 1812, and the personalities of two commanders - Kutuzov and Napoleon. Consistently revealing the course of the 1805 campaign, A. G. Vlasenko questioned a number of established stereotypes regarding the Battle of Schöngraben, the position of Alexander I and the position of M. I. Kutuzov regarding the readiness of both to go to the general battle of Austerlitz, and the nature of Napoleon's planning of actions during this battle. Overall, the events of 1805 played a major role in how Alexander I and M. I. Kutuzov would act in 1812. At the same time, the events of the 1812 campaign are also presented in a debatable manner, which, in turn, give rise to the controversy of a number of the author's statements – about the reasons for Napoleon's movement to Smolensk along the southern bank of the Dnieper, the purposes of the construction of the Shevardino redoubt by the Russians, the nature of the assessments of the disposition of Russian troops at Borodino, the actions of M. I. Kutuzov during his contacts with J. A. B. Lauriston and, in particular, explaining the actions of the opponents during the battles on the Berezina.

The idealization of the personality and actions of M. I. Kutuzov, initially set by the author, is striking, due to which the genius of Napoleon by definition pales in comparison with the greatness of the merits of the Russian military leader. In general, the work of A. G. Vlasenko will become a noticeable stage in understanding the key events of the era of the Napoleonic wars, the role of Russia and, above all, M. I. Kutuzov in the final outcome of the great confrontation at the turn of the 18th–19th centuries.

Keywords: M. I. Golenishchev-Kutuzov, Napoleon, campaign of 1805, war of 1812, A. G. Vlasenko

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 25–18–00510.

Citation: Zemtsov, V., (2025). Pobeditel` Napoleona. Razmy`shleniya nad novoj biografiej M. I. Golenishheva-Kutuzova [The Victor of Napoleon. Reflections on the New Biography of M. I. Golenishchev-Kutuzov]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2025-1-58-432-445>. *Annual of French Studies*, 2025, vol. 58. P. 432–445.

В истории многих народов можно встретить тот редкий случай, когда имя собственное военного или политического деятеля становится именем нарицательным. Имя М. И. Голенищева-Кутузова, победителя Наполеона в 1812 г., стало именно таковым. Прочно вошли в русский язык и такие крылатые выражения, как «С такими молодцами да отступать!» и «Приехал Кутузов бить французов!». Сам же образ М. И. Кутузова, благодаря таланту Л. Н. Толстого, вошел в историческую память россиян, да, собственно говоря, и других народов, как образ безучастного к происходящему мудреца, предпочитавшего пассивно наблюдать за ходом событий, никак на них не воздействуя.

А что же историки?¹ После длительного периода безудержного восхваления М. И. Кутузова в 1940-х – 1970-х гг., наступил этап более критического восприятия деятельности полководца после того, как Н. А. Троицкий призвал к отказу от устоявшихся стереотипов. В этой ситуации последовательным защитником М. И. Кутузова

¹ Мы не претендуем на воспроизведение более или менее полного списка публикаций, посвященных М. И. Кутузову. Укажем только на ряд работ последних десятилетий, в основном, биографического характера: *Ивченко Л. Л.* Кутузов. М., 2012; *Она же.* Кутузов в отечественной историографии. Проблемы изучения биографии полководца // *ФЕ.* 2012. Т. 44. С. 174–190; *Раковский М. И.* Кутузов. Биография М. И. Кутузова. Л., 1971; *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; *Шишов А.* Кутузов. М., 2012; и др. Наибольший интерес вызывает работа Л. Л. Ивченко, опубликованная в 2023 г.: *Ивченко Л. Л.* Кутузов. Историко-психологический портрет. М., 2023.

стала Л. Л. Ивченко, не только призвавшая к объективности, но и подтверждающая свою позицию обращением к большому корпусу первоисточников. Достаточно взвешенный подход к деятельности полководца предлагает и В. М. Безотосный².

И все же... Новая биография М. И. Кутузова, опубликованная Андреем Григорьевичем Власенко³, независимым исследователем, членом Историко-патриотического общества «Багратион», во-многом, оказалась неожиданной. Введение в научный оборот более 650 новых документов, почерпнутых в архивохранилищах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики Российской империи, Литовского государственного исторического архива, Института русской литературы РАН, рукописных отделов Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки, попытки сопоставить их с ранее известными материалами, учесть сколь-нибудь значимые публикации о М. И. Кутузове и о войнах, в которых он участвовал – все это должно, похоже, подвести итог историографическим дискуссиям последних десятилетий.

Вполне естественно, что в центре внимания А. Г. Власенко оказалась история двух войн (1805 г. и 1812 г.) и личности двух полководцев – Кутузова и Наполеона. И тот, и другой – и А. Г. Власенко на это указывает – были людьми XVIII века (правда, М. И. Кутузов, родившийся, согласно традиционной версии, в 1745 г., был значительно старше своего соперника, появившегося на свет в 1769 г.), и оба они, так или иначе, были детьми эпохи Просвещения. Однако Бонапарт, в отличие от Кутузова, стал еще и наследником Революции, правда, попытавшись в конечном итоге обуздать ее разрушительную ипостась, направив ее энергию на радикальное переустройство европейского порядка. В то же время Кутузов, будучи «из стаи славных екатерининских орлов», изначально встал на путь защиты европейской стабильности и российских национальных интересов.

Первая встреча двух полководцев на поле боя произошла в 1805 г. Но, если Наполеон уже с конца 1799 г. стал фактическим

² См., например: *Безотосный В. М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014.

³ *Власенко А. Г.* Кутузов. Формула Славы. Биографическое исследование. М.: Минувшее, 2023. 768 с. (Далее ссылки на эту работу даются в круглых скобках в тексте). Напомним, что в 2015 г. А. Г. Власенко опубликовал основательное исследование, посвященное начальному этапу войны 1812 г. См.: *Власенко А. Г.* От Немана до Витебска. Хроника. М., 2015.

правителем Франции, а 2 декабря 1804 г. (ровно за год до Аустерлицкой битвы) возложил на себя корону императора, то действия М. И. Кутузова в ходе кампании 1805 г. во-многом оказались предопределены желанием Александра I лично контролировать действия русского командования. Это ставило М. И. Кутузова в сложную ситуацию (что дополнялось еще и необходимостью выстраивать взаимоотношения с австрийским командованием и с императором Францем II), из которой он на первых порах успешно выходил, проявляя недюжинные способности дипломата. В конечном итоге возникла парадоксальная ситуация, когда, вопреки всему, М. И. Кутузову удалось выстроить до известной степени доверительные отношения с Францем II и убедить его отказаться от защиты Вены ради сохранения армии⁴.

А. Г. Власенко справедливо указывает, что тогда, в 1805 г., М. И. Кутузов оказался первым из русских военачальников, кто скрестил оружие с вышедшим из Французской революции Наполеоном Бонапартом (С. 270). И русский полководец не мог не отдавать себе отчета в гениальности своего противника. Когда-то еще А. В. Суворов в письме к А. И. Горчакову выразился о Бонапарте так: «Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу, и людей...»⁵

А. Г. Власенко считает, что в 1805 г. Наполеона волновала лишь русская армия, а не Вена, а в 1812 г. всё будет наоборот: вступив в Москву, Наполеон «забудет» о русской армии (С. 280). И все же в справедливости последних слов можно усомниться: в сентябре 1812 г. Наполеон отнюдь не забывал о русской армии и приложил в связи с этим немалые усилия, чтобы сразу же по вступлении в Москву выяснить ее местоположение⁶. Но в том-то и дело, что М. И. Кутузов в 1812 г. провел настолько хитроумную комбинацию, которая на первых порах не могла не вызвать обвинений главнокомандующего в грубейшем провале, но которая в конечном итоге поставила неприятеля в чрезвычайно уязвимое положение.

И все же А. Г. Власенко подверг сомнению целый ряд устоявшихся стереотипов в отношении кампании 1805 г. и не без

⁴ В сущности, в чем-то схожая ситуация возникнет в 1812 г., с той только существенной разницей, что речь будет идти не о столице союзного государства, но о Первопрестольной своей страны, и что ответственность за такое решение должна будет целиком лечь на плечи престарелого полководца.

⁵ А. В. Суворов – А. И. Горчакову. Б. м., 25 октября (ст. ст.) 1796 г. // А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С. 311–312.

⁶ См., например: *Земцов В. Н.* Наполеон в Москве. М., 2014. С. 130–141.

оснований. Это касается, в том числе, и освященного гением Л. Н. Толстого сражения при Шенграбене. Во-первых, согласно А. Г. Власенко, решение об отступлении русской армии, несмотря на победу при Кремсе, было сделано еще до захвата французами мостов через Дунай. Во-вторых, сама угроза уничтожения арьергарда возникла из-за ошибки П. И. Багратион, вступившего в переговоры с неприятелем и сделавшего тем самым арьергард заложником обстоятельств (С. 286–294).

Пытаясь установить цифры потерь противников, что обычно составляет важный элемент любого военно-исторического исследования, автор верно указывает на те сложности, с которыми сталкиваются исследователи эпохи Наполеоновских войн. Помимо отсутствия исчерпывающей документальной информации о потерях сторон, следует принимать в расчет и то, что граница между «объявленными» убитыми, пропавшими без вести, ранеными и пленными очень зыбкая (С. 296–297). Исходя из этого, А. Г. Власенко и предлагает свои цифры, неизменно указывая на их условность, при этом, однако, неизменно занижая их по отношению к наиболее устоявшимся в историографии цифрам потерь русской армии.

Неоднозначными оказываются у А. Г. Власенко и характеристики Александра I. Так, активность Александра на внешнеполитической арене к 1805 г. автор объясняет его стремлением «оправдать свое нелегитимное восхождение на престол» (С. 254); критикует русского императора за малокомпетентное вмешательство в ход военных событий 1805 г. (С. 299). Вместе с тем, указывает и на некоторые успехи в плане дипломатическом, а именно, вовлечение Пруссии в войну (С. 299).

Важное уточнение, которое А. Г. Власенко предлагает внести в трактовку событий 1805 г., связано с обстоятельствами, предопределившими битву под Аустерлицем. По его мнению, Наполеон оказался в незавидном положении, выбраться из которого можно было только разгромив объединенную армию противников до прибытия к ней подкреплений. В этой ситуации Наполеон подключил «психологическую дипломатию», провоцируя неприятеля на наступление (С. 301–302). Выступал ли М. И. Кутузов, согласно широко распространенному в историографии мнению, за отступление в той ситуации, когда Александр «продавливал» решение наступать на противника? А. Г. Власенко это оспаривает, доказывая, что М. И. Кутузов ратовал только за удержание позиции у Ольмю-

ца. Более того, и позиция Александра была отнюдь не однозначной – император учитывал возможность неудачи, пытаясь подстраховаться и создать резервную армию между Брестом и Бродами (С. 303–304). В целом же, хотя решение Александра о наступлении и было спорным, но отнюдь не абсурдным, ибо было очевидным общее превосходство союзников над силами противника (С. 306).

Не менее непредвзято подошел А. Г. Власенко и к обстоятельствам принятия Наполеоном решения атаковать Праценские высоты. Солидаризируясь с мнением О. В. Соколова, автор указал на то, что окончательный выбор своих действий французский император сделал только после ночной рекогносцировки, предпринятой на 2 декабря (С. 314).

Подводя общие итоги кампании, А. Г. Власенко дает понять, что поражение союзников в декабре 1805 г. (от себя добавим: вкупе с неудачами 1807 г.) стало важнейшим уроком для Александра I. Думаем, что и для М. И. Кутузова это сослужило службу в том отношении, что он определенно утвердился в справедливости своих принципов ведения военных действий против Наполеона.

Последующее после катастрофы 1805 г. командование М. И. Кутузовым в 1811–1812 гг. Дунайской армией, действовавшей против войск Порты, хорошо продемонстрировало его способности предугадывать действия противника и, максимально перестраховываясь, не доверять исход войны одному сражению, но держать в запасе несколько вариантов развития событий.

Впереди был великий для России 1812 год. Кстати, и книга А. Г. Власенко начинается не со споров о дате рождения полководца, но с реконструкции того, как 5 августа (ст. ст.) 1812 г. в Санкт-Петербурге Чрезвычайный комитет выбирал единого главнокомандующего армиями, действующими против Наполеона. Разбор автором сего ключевого эпизода войны и восхождения М. И. Кутузова к образу национального героя, заставляет согласиться с тем, что кандидатура Михаила Илларионовича фактически была единственно возможной, что Александр I прекрасно осознавал (С. 9–11). М. И. Кутузову оставалось только принять на себя столь тяжкий крест. В течение последних вечеров перед отъездом из столицы Михаил Илларионович был у Л. И. Голенищева-Кутузова, где «говорил много о Наполеоне», а прощаясь 10 августа (ст. ст.), сказал: «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона»⁷ (С. 445).

⁷ Записки графа Ф. П. Толстого // Русская старина. Т. 7. 1873. Февраль. С. 137.

Обратившись к эпопее 1812 г., А. Г. Власенко, конечно, не мог не остановиться не только на действиях М. И. Кутузова, но и на ряде ключевых и вызывающих споры событий кампании. Так, он недоумевает, что заставило Наполеона двигаться к Смоленску не по северному берегу Днепра, где находилась русская армия, но по левому (южному) берегу, тем самым давая возможность русским избежать генерального сражения (С. 448–449). Апеллируя к К. Клаузевицу⁸, автор называет это одной из крупнейших ошибок Наполеона, сделанных им в ходе кампании 1812 года (Там же).

В этой связи напомним, что французские войска перешли на левый берег Днепра у Росасны 13–14 августа, и Наполеон, по-видимому, все еще не знал, на каком берегу сосредоточены главные силы русских. Согласно обер-шталмейстеру А. Коленкуру, только 15 августа император решил, что французские войска, продвигаясь по южному берегу, окажутся к Смоленску ближе, чем русская армия⁹. Это и предопределило движение армии Наполеона к Смоленску по левому берегу реки, и дало возможность русским армиям продолжить отступление.

М. И. Кутузов прибыл к войскам уже после сдачи Смоленска, но сразу поднял дух солдат, вселяя в них надежду на завершение отступления. О том же – завершении русскими отступления и готовности дать генеральное сражение – думалось и Наполеону, когда он, находясь уже в Гжатске, узнал о приезде Кутузова. По словам Коленкура, император «тотчас же с довольным видом сделал отсюда (из сообщения о прибытии к армии Кутузова – В. З.) вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву... Он расхваливал ум Кутузова, он говорил, что с ослабленной, деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии...»¹⁰.

Да, М. И. Кутузов понимал, что сражение дать придется, но, говоря словами Клаузевица, он смотрел на это сражение «как на неизбежное зло»¹¹. И все же М. И. Кутузов, по мнению А. Г. Власенко,

⁸ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 80–81.

⁹ Caulaincourt A.-A.-L. Mémoires. Paris, 1933. Т. 1. Р. 391. Ход событий под Смоленском наиболее подробно описал А. И. Попов (Попов А. И. «Смоленские битвы». М., 2012. Т. 1–2).

¹⁰ Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. Р. 416–417.

¹¹ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 90.

рассматривал сражение как составную часть будущих операций, а опыт говорил ему, «что путь к окончательной победе может быть очень долгим и тернистым» (С. 465). При этом и опыт Наполеона, казалось бы, должен был убеждать его в том, что с занятием столицы неприятеля кампания могла бы и не завершиться, о чем говорило занятие Вены в 1805 и 1809 гг., и Берлина в 1806 г. (С. 466). Однако в этом плане надо понимать, что столицей России тогда все же был Санкт-Петербург, и что движение Наполеона к Москве обуславливалось, прежде всего, отступлением к ней русской армии. Поэтому, собственно говоря, французский император не менее Кутузова осознавал необходимость, прежде всего, разгрома армии противника. Что же и почему в реальности произошло иначе?

Прежде всего, следует сказать, что правы были и Наполеон, и Кутузов: сражение перед Москвой неминуемо должно было произойти. И этим сражением стало Бородино («битва при Москва-реке», как его назовут французы). Началось оно с боя за Шевардинский редут, смысл появления которого вот уже более 200 лет является объектом споров – вначале участников сражения, а затем и историков. А. Г. Власенко, обращаясь к этому вопросу, утверждает, что редут был возведен целенаправленно для выигрыша времени с целью окончания инженерных работ на главной позиции русской армии (С. 474). Не можем с этим согласиться. Многолетнее изучение данного вопроса заставляет нас солидаризироваться с мнением Н. П. Поликарпова, который полагал, что по первоначальному замыслу русского командования, редут должен был стать опорной точкой левого фланга. Эту ошибку затем попытались исправить, «отклонив» левый фланг к Семеновским высотам¹². Что же касается Наполеона, то полагаем, что в этом плане прав был участник тех событий штабной полковник французской армии Ж. Ж. Ж. Пеле-Клозо, который считал, что Наполеон просто не понял «странного расположения» Кутузова, развернувшегося левым флангом к фронту противника, и поэтому решил, что войска А. И. Горчакова, защищавшие редут, поставлены впереди русской армии для поддержки арьергарда П. П. Коновницына¹³.

В целом же, характер расположения русских войск на Бородинском поле А. Г. Власенко считает чуть ли не идеальным,

¹² Поликарпов Н. П. К истории войны 1812 года (по первоисточникам). М., 1913. Вып. 3. С. 9–57.

¹³ Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 1. М., 1872. С. 59. Примеч. 6.

заявляя, что Кутузов «предлагал подставу для неприятеля – удобный для атаки и прикрытый не столь многочисленными войсками участок позиции», благодаря чему ему удалось максимально снизить маневренность войск противника (С. 484). Беспрецедентный для русской армии крупный артиллерийский резерв в 186 орудий, созданный Кутузовым на Бородинском поле, автор также ставит в заслугу русскому полководцу, забывая при этом, что в ходе сражения значительная часть орудий этого резерва просто не была введена в бой.

Что же касается утверждения автора, ссылающегося при этом на К. Клаузевица и Д. Ливена, о том, что простота замысла Наполеона в отношении его действий при Бородино свидетельствовала, что он «высоко расценивал ожидаемое сопротивление» (С. 488), то его трудно оспорить. Однако укажем, что дискуссии о предполагаемом месте, избранным Наполеоном для нанесения главного удара, во многом были связаны с тем, что император, как правило, не исключал возможности вносить серьезные коррективы в ходе самого сражения в свой первоначальный замысел.

Вообще же, поразительно, насколько похожими оказались оценки обоими полководцами роли и места Бородина применительно ко всей кампании в целом. Особенно хорошо это видно на примере рассуждений Наполеона вечером 7 сентября 1812 г.: «Будут удивлены, – вспоминал слова императора М. Дюма, генерал-интендант Великой армии, – что я не использовал мои резервы, чтобы добиться более великих результатов. Но я должен сохранить их для решающего удара в большой битве, которую неприятель даст перед Москвой. Успех дня обеспечен. Я должен обеспечить успех кампании в целом, и вот для чего я сохраняю мои резервы»¹⁴.

И все же главным, что предопределило известную нерешительность в действиях Наполеона при Бородино, следует признать тот очевидный факт, что он должен был принимать решения не только как военачальник, но и как император. Наконец, вряд ли можно сбрасывать со счетов воздействие физического и эмоционального состояния Наполеона и притупления в связи с этим той способности к неожиданному озарению, которое отличало его как военного гения¹⁵. В любом случае, как справедливо замечает А. Г. Власенко,

¹⁴ *Dumas M. Souvenirs. Paris, 1839. Т. 3. Р. 440–441.*

¹⁵ В Национальном архиве Франции в фонде Ф. П. Сегюра, главного интенданта Главной квартиры императора, до сих пор хранятся большей частью не введенные в научный оборот 35 свидетельств близких к императору участников Русского похода о состоянии здоровья Наполеона в сентябре 1812 г. (Archives nationales. 36 AP 1).

и Наполеон, и Кутузов «удовлетворились полученными результатами (сражения – В. З.), считая их приемлемыми» (С. 512).

Для М. И. Кутузова, судя по всему, последовавшая за Бородином сдача Москвы была предопределена. Но мысли на этот счет ему приходилось держать при себе, демонстрируя окружающим при этом удивительную выдержку. Однако если Наполеон воспринимал вхождение в Москву как завершение кампании, то для Кутузова это был только важный, пусть и чрезвычайно драматичный, этап борьбы с неприятелем. Сдача русскими Москвы и вхождение в нее наполеоновской армии, а также московский пожар (А. Г. Власенко почему-то решил не останавливаться на многолетних спорах о роли М. И. Кутузова в организации пожара Первопрестольной) стали поворотными моментами в ходе всей кампании. В дальнейшем инициатива полностью перешла от Наполеона к Кутузову, и русский главнокомандующий неизменно «переигрывал» своего соперника. Сопоставление двух марш-маневров – Кутузова (тарутинский марш-маневр) и Наполеона (марш-маневр на Калугу) – великолепно это демонстрирует. Если М. И. Кутузову удалось оторваться от преследования противником и вывести армию на позицию, с которой создавалась угроза неприятелю, то Наполеон, хотя и захватил Малоярославец, не только не дошел до Калуги, но и вынужден был отказаться от создания новой операционной линии через Медынь и Ельню на Смоленск.

Несмотря на то, что целый ряд утверждений А. Г. Власенко применительно к описанию второго периода войны 1812 г. не может не вызывать у нас желания их оспорить (смысл действий М. И. Кутузова в ходе визита посланника Наполеона генерал-адъютанта Ж. А. Б. Лористона в русский лагерь¹⁶; намерения и действия Наполеона в период борьбы за Малоярославец и др.), с основными выводами автора мы не можем не согласиться: и Кутузов, и Наполеон были намерены далее добиваться своих целей без генерального сражения. Но если для русского главнокомандующего это было ничем иным, как продолжением изначально принятой линии поведения, то Наполеону теперь определенно «мешал дефицит ресурсов и плачевное состояние конского состава Великой армии» (С. 579).

Анализируя действия противников при Березине, А. Г. Власенко разумно подошел к ним издалека: начиная от сопоставления так

¹⁶ Свою позицию мы в свое время изложили в публикации: Земцов В. Н. Лористон в ставке Кутузова // ФЕ. 2012. Т. 44. С. 99–117.

называемого Петербургского плана Александра I и планов, вынашиваемых первоначально Кутузовым на предмет действий войск П. В. Чичагова, А. П. Тормасова и П. Х. Витгенштейна. Судя по всему, М. И. Кутузов изначально хорошо осознавал трудности, которые с неизбежностью должны были возникнуть в плане координации действий главной армии с другими группировками русских войск. Крайне сложно было и предугадать пути движения Наполеона по мере приближения его к Березине.

Как бы то ни было, автор указывает, прежде всего, на действия П. Х. Витгенштейна и П. В. Чичагова, из-за которых, как многим кажется, и не были реализованы планы по полному разгрому неприятеля, а также на решительные, граничащие с гениальностью действия Наполеона. Вместе с тем, А. Г. Власенко отмечает и ошибки (и это для автора редкий случай!) Кутузова, который «явно просчитался с фактором времени, включая неучтенную скорость движения Наполеона к Березине» (С. 608).

Оказавшись в Сморгони, Наполеон покинул войска, что, по мнению А. Г. Власенко, выглядело признанием того, что критическое положение армии уже нельзя было исправить (С. 610–611). Напротив, М. И. Кутузов к концу кампании 1812 года был готов к продолжению решительных действий. А. Г. Власенко считает, что альтернативы переходу границы у Кутузова не было. При этом автор не счел необходимым хоты бы затронуть длившуюся многие годы дискуссию о готовности или неготовности русского главнокомандующего к продолжению военных действий на рубеже 1812–1813 гг. Автор только констатировал, и вполне справедливо, что дальнейшее развитие операций сдерживалось наличием на флангах сильных неприятельских корпусов, и что противник был далеко еще не сломлен и располагал серьезными силами¹⁷ (С. 610). Вполне убедительно звучит также и тезис автора о том, что наиболее полно полководческий почерк М. И. Кутузова проявился в 1813 г.: к середине апреля он вывел русскую армию и примкнувшие к ней прусские войска за Одер, заняв Берлин и Дрезден (С. 632).

Масштабное исследование А. Г. Власенко, без сомнения, является важным этапом в осмыслении ключевых событий эпохи Наполеоновских войн, роли России и, прежде всего, М. И. Кутузова в конечном исходе великого противостояния. Изначальная

¹⁷ В этом плане см. нашу работу: *Земцов В. Н.* Русская кампания Наполеона: последний акт (декабрь 1812 г. – январь 1813 г.). М., 2024.

масштабность постановки автором задач, основательная фундаментальность предложенных им сюжетов, готовность обсуждать дискуссионные вопросы, которых в историографии за более чем 200 лет накопилось немало – всё это присуще работе А. Г. Власенко. Можно согласиться с ним и в том плане, что историк не должен брать на себя функции верховного и окончательного судьи, указывая великим, что они должны были сделать и как должны были поступать. Сверхзадача, стоящая перед историком, по нашему мнению, в другом – попытаться понять, почему человек прошлого поступил так, а не иначе, что им двигало, и к чему это в конечном итоге привело. И в этом плане не может не бросаться в глаза чрезмерная, как бы даже изначально заданная идеализация автором своего героя, благодаря чему все его действия предстают как наиболее оправданные в той или иной обстановке. В этом случае гений Наполеона как бы по определению меркнет перед величием достоинств русского военачальника. Нам же думается, что более взвешенный подход, возможный при обращении автора к значительно большему объему зарубежных материалов, мог бы привести к созданию не менее убедительной картины своеобразной дуэли двух великих полководцев.

REFERENCES

- Безотосный В. М.* Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014 [Bezotosnyi V. M. Rossiia v napoleonovskikh voïnakh 1805–1815 gg. Moscow, 2014].
- Власенко А. Г.* Кутузов. Формула Славы. Биографическое исследование. М., 2023 [Vlasenko A. G. Kutuzov. Formula Slavy. Biograficheskoe issledovanie. Moscow, 2023].
- Власенко А. Г.* От Немана до Витебска. Хроника. М., 2015 [Vlasenko A. G. Ot Nemana do Vitebska. Khronika. Moscow, 2015].
- Земцов В. Н.* Лористон в ставке Кутузова // Французский ежегодник. 2012. Т. 44. С. 99–117 [Zemtsov V. N. Loriston v stavke Kutuzova // Frantsuzskii ezhegodnik. 2012. T. 44. S. 99–117].
- Земцов В. Н.* Наполеон в Москве. М., 2014 [Zemczov V. N. Napoleon v Moskve. Moscow, 2014].
- Земцов В. Н.* Русская кампания Наполеона: последний акт (декабрь 1812 г. – январь 1813 г.). М., 2024 [Zemtsov V. N. Russkaia kampaniia Napoleona: posledniï akt (dekabr' 1812 g. – ianvar' 1813 g.). Moscow, 2024].

- Ивченко Л. Л.* Кутузов. М., 2012 [Ivchenko L. L. Kutuzov. Moscow, 2012].
- Ивченко Л. Л.* Кутузов в отечественной историографии. Проблемы изучения биографии полководца // Французский ежегодник. 2012. Т. 44. С. 174–190 [Ivchenko L. L. Kutuzov v otechestvennoĭ istoriografii. Problemy izucheniia biografii polkovodtsa // Frantsuzskii ezhegodnik. 2012. T. 44. S. 174–190].
- Ивченко Л. Л.* Кутузов. Историко-психологический портрет. М., 2023 [Ivchenko L. L. Kutuzov. Istoriko-psikhologicheskii portret. Moscow, 2023].
- Попов А. И.* «Смоленские битвы». М., 2012. Т. 1–2 [Popov A. I. «Smolenskie bitvy». Moscow, 2012. T. 1–2].
- Раковский М. И.* Кутузов. Биография М. И. Кутузова. Л., 1971 [Rakovskii M. I. Kutuzov. Biografiia M. I. Kutuzova. Leningrad, 1971].
- Троцкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002 [Troitskii N. A. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty. Moscow, 2002].
- Шишов А.* Кутузов. М., 2012 [Shishov A. Kutuzov. Moscow, 2012].

Земцов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Саратовский национально-
исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
заведующий кафедрой
всеобщей истории и методики
преподавания исторических дисциплин
Уральский государственный
педагогический университет 620017,
Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
профессор кафедры новой
и новейшей истории
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

Vladimir Zemtsov

Dr. Hab. (History), Professor,
Chief Researcher
Saratov State University
83 Astrakhanskaya Street,
Saratov, 410012
Head of the Department
of General history and
methods of teaching
historical subjects
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017
Yekaterinburg, Russia
Professor of the Department
of Modern and Current History
Ural Federal University 51,
Lenin Ave., 620000
Yekaterinburg, Russia
Email: vladimirzemtsov@yandex.ru
Researcher ID W-7577-2018
ORCID: 0000-0002-5389-0428
SCOPUS ID: 56769688600